

Не так это просто...

Лето в Питере началось в тот олимпийский год небывалой жарой.

Чувствовалась она даже на продуваемом невскими ветрами Васильевском острове. Калёная такая жара стояла, сухая, но не душная.

Ленинград готовился к спортивному событию, которого еще не бывало на просторах необъятного СССР. Город прихорашивался, ремонтировался.

В один из субботних дней того лета питерский люд ходил-бродил в поисках прохладного местечка в тенёчке. Мужчины искали, где бы попить пивка. Непростая задача в те времена - либо «мавзолейная» очередь в ларёк, либо бурдой торговали разбавленной. В такие места очереди не было, информация передавалась из уст в уста, что торгуют пойлом «Белые ночи». Это значит, что пивоторговец очень уж перестарался с водой в погоне за своей кровной копейкой. Разбавляли всюду, но меру знали.

Мы с Толиком Меланом тоже лениво бродили по линиям Васильевского в поисках живительной пивной влаги. Сессия была сдана, первый курс позади, душа парила в небесах. Для абсолютного и полного студенческого счастья не хватало лишь пива.

Где-то в середине линий, вдалеке, мы заметили мужское оживление. Безошибочно угадывалось, нюхом, можно сказать, что закучерявившаяся толпа собирается по пивной причине. И точно, только что отцепили от цистерны-автомобиля бочку! Был и такой способ пивной торговли; бочки были пломбированы и редчайший случай, чтоб их разбавляли. Мы поспешили, слева промелькнула подворотня с кучей развороченной старой брусчатки, где о чём-то громко спорили два невзрачных мужичка. Еще несколько шагов и мы у цели. Какое счастье ! Мы одни из первых.

Торговец обустроивался неспешно, с достоинством. Никто ему не мешал, не прикрикивал. Профессия эта в те времена серьезной считалась, священнодействие разлива любимого напитка было чтимо народом.

И вот, удобно установив стул, подключив воду для обмыва кружек, расположив под рукой сдачу, торговец начал ожидаемое небольшой еще толпой колдовство.

Первая кружка была встречена всеобщим гулом одобрения. Раздавались справа и слева чмоки удовольствия, сыпались похмельные шутки. Счастье, можно сказать, разливалось в души людские. Мы с Толиком взяли по кружке с повтором. Посуду, долго смакуя, держать не полагалось, страждущих было много и прибавлялось с каждой минутой. И вот

мы пьем по первой кружке. Действительно, много ли человеку нужно для счастья ? Момент гармонии с внешним миром наступил.

По толпе начали ходить литровые и двух-литровые банки, они передавались по эстафете, из рук в руки. Их приносили с собой. Из банок пиво уже можно было пить неспешно, смакуя и ведя неторопливую беседу. Какой-то мужик отдал нам двух-литровую. Мы допили пиво из кружек и налили полную доставшуюся нам тару, доплатив. Отошли под дерево в тенёк, напротив арки, где до сих пор ругались мужики. Закурили. Стояли и смаковали пиво, передавая по очереди друг другу банку. Держали этот сосуд трепетно и осторожно. Вели разговор о предстоящих каникулах.

Другие счастливые обладатели банок тоже переместились в тень дерева. Стоял равномерный гул летнего и праздного разговора.

Вдруг всё умолкло, резко и без причин. Так бывает перед грозой, когда природа замирает, только ласточки продолжают хаотично летать, и листья на деревьях нервно трепещут, хотя вокруг нет малейшего ветерка.

Толпа замерла. Ничего не происходило, никто не мог вымолвить ни слова; возникло чувство, что время остановилось. Небывалая тревога разлилась по моему сердцу, дыхание перехватило. Такого со мной никогда не было.

Сигарета начала жечь пальцы, но боли не чувствовалось. Пронзительная тишина стояла вокруг. Ужас всё сжимал и сжимал сердце. А время не шло – стояло.

Вдруг один из мужиков в подворотне схватил булыжник из кучи брусчатки и ударил другого спорящего по голове несколько раз. Происходило всё это, видимо, очень быстро, но для нас, тех, кто это видел, всё растянулось в какой-то покадровый просмотр. Такое я наблюдал только в кино, когда режиссер растягивает сюжет, как бы щелкает фотоаппаратом сцену. Здесь было то же самое. Вот рука с булыжником медленными кадрами-рывками поднимается вверх. Удар ! Медленно разлетаются мозги в разные стороны. И сцена не кончается. Еще кадр-рывок, и еще удар.

Всё это происходит в метрах двух-трех от тебя, а ты парализован, как в столбняке. Вокруг небывалый холод. Жара куда-то ушла. В эти секунды мы, невольные зрители, коснулись бездны, разделяющей жизнь и смерть. Не так молниеносен этот переход, оказывается.

Когда убийца побежал, разом упала на нас жара и вернулось дыхание, пальцы ощутили жжение сигареты.

Бежал он быстро. Толик рванул было вслед, но убийца бежал так стремительно, что догнать его не смог бы и олимпиец. Убитый лежал на разобранной брусчатке. Голова его была размозжена всмятку. Ударов десять, не меньше.

Запахавшийся Толик быстро вернулся. Мы не стали ждать милицию. Еще раз замороженно взглянув на голову убитого, быстро пошли с места трагедии.

Большинство пивной толпы тоже стали разбредаться. Остались лишь любители быть свидетелями. Всего трое имели желание беседовать с милицией.

Мы вышли на Большой проспект, сели на лавочку и молчали. Было жутко и страшно. Всё вокруг стало бессмысленным. Какое-то высшее понимание ценности жизни коснулось своей холодной рукой наших юных душ. Очень долго сидели, а потом встали и пошли, не сговариваясь, в вино-водочный магазин. Но и хмель не брал нас. Перед глазами стояла сцена: фотокадрами движущаяся рука с бульжником. Удар! И снова повтор. И так несколько дней.

С тех пор я не люблю фильмы с бравыми парнями, которые легко и непринужденно убивают себе подобных. Не так это просто – убить человека. Даже видеть чужой переход в вечность через убийство. Очень непросто и тяжело.

Много лет прошло, но до сих пор, даже в горячем споре, не могу сказать: «Я тебя убью»...